

Когда я работал ночным дежурным по большому офисному центру, больше всего меня бесили обитатели, а вернее обитательницы третьего этажа. Не знаю уж, чем занималась контора, которая выплачивала им зарплату, но подбирали их как близняшек — каждую можно было с уверенностью называть офисной стервой. Справедливости ради надо отметить, что трудно было судить, кто там у них начальница, а кто секретарша, молодые и, черт возьми, все до одной весьма симпатичные они обращались друг к другу по именам и держались вполне дружески. Друг с другом. Не знаю, может быть долгое общение в чисто женском коллективе привело к тому, что мужчин эти боевые подружки, очевидно в грош не ставили и никогда не упустили случая продемонстрировать это. Что я, от них натерпелся за несколько месяцев работы, вам вряд ли интересно, меня они воспринимали, как обычного вахтера и, кстати так же и называли, между собой, правда, но достаточно громко, чтобы слышно было. Но я постоянно наблюдал, как какой-нибудь бедолага, посетитель ли, пришедший к ним по делу, коллега с другого этажа и даже случайно встреченный на лестнице, лишь бы он был мужчиной, выходил от них, сжимая кулаки в бессильной ярости и с красными пятнами на лице. Вы наверняка сами сталкивались с таким проявлением женской солидарности, чем-то сродни лесбийству. Разумеется основной прием их был прост и стар, как мир... завести, не дать и посмеяться... Если две подружки знают, что они привлекательны, они уж не упустят случая доставить такое удовольствие друг дружке, за исключением, конечно, тех случаев, когда сами готовы вцепиться друг дружке в мордочку. А уж если таких подружек больше трех, то случайная встреча может обернуться для тебя виртуальной кастрацией...

Стоит ли говорить, что очень скоро они отучили меня требовать от них соблюдения распорядка. По правилам, работа в бизнес-центре заканчивается не позже восьми, к этому времени все офисы должны пустеть, ключи сдаваться, включается общая сигнализация и я, или другой ночной дежурный начинает вечерний обход. Но попробовали бы вы выставить на улицу этих молодых львиц, если им вздумалось попить кофе и поболтать под вечер. Такое случалось зачастую, для этого конечно должно было совпасть, что ни одна из юных деловых женщин не собралась в театр, ни за одной не приехал на роскошной иномарке кавалер, и на улице не стоит прекрасная погода, которая даже такую стерву может превратить в довольно-таки милую девчушку. Но, в будние дни... Но в дождь...

После первой стычки с этими улыбающимися сучками я чуть не кончил в коридоре от злости и обиды, так они меня словесно отделали, не переставая улыбаться и перемигиваться. Я чувствовал себя тупым, убогим, никому не нужным, и хотел только одного... перетрахать их всех на глазах друг у дружки. Хотелось кому-то жаловаться, что-то сделать, но я послушно ходил по этажам, пока леди не соизволили покинуть помещение, причем встретив меня на лестнице очень мило попрощались и пожелали спокойной ночи. Спокойной!... Я прошел по этажу, проверил все двери и уже собирался запереть туалет (на их этаже даже мужского не было) универсальным ключом, как почувствовал, что больше не могу, вошел внутрь и расстегнул брюки. Я стоял в темном помещении, глядя, как отсвечивает в смутном свете, падающем с улицы через матовые окна, кафель и фаянс сантехники, и стоило мне представить, как одна из них сейчас возвращается за чем то в офис и, заглянув в сортир видит, как я пытаюсь сам себе доставить причитающееся мне по праву удовлетворение,

стоило мне представить, вспышку света и ее снисходительную усмешку, как мне не потребовалось ни одного движения, чтобы забрызгать кафельную стенку перед собой. Зато потом мне пришлось, дрожа от стыда и ярости прибираться в помещении, куда уже завтра запросто будут заходить эти самоуверенные сучки.

После этого случая я их просто боялся, старался не разговаривать даже когда принимаю дежурство или выполняю мелкие поручения, включенные в круг моих обязанностей. Но ведь необязательно устно сообщать женщине, что она имеет власть над тобой. Чем суше я отвечал на вопросы, тем больше кокетства появлялось в каждой издевательской интонации, тем большее становилось моему самолюбию. Я чувствовал, что эти девчонки как-то выделяют меня, среди остальных дежурных, и улыбаются не так и поручения придумывают словно специально. А я, черт возьми, был обязан выполнять поручения сотрудников бизнес-центра! Фантазия у девочек была очень живой, они могли погрузить в мороку ремонта лифта, потому что одной из них померещилось, что «он барахлит», они могли дружески подмигнув всучить «денюжку» и послать за пивом, джин-тоником или банкой растворимого кофе «не в службу, а в дружбу». Однажды, одна из них, не самая высокая, но с самыми роскошными формами, принципиально не носящая ничего, кроме дорогих джинсов, и блузок, велела мне с самого начала смены (16.00) ждать курьера, который будто бы должен принести что-то очень важное с минуты на минуту. Она улыбалась мне и строго-настрого запретила отлучаться с вахты. Я только вошел, не успел даже снять плащ, руки помыть, ну разумеется не зашел я и в туалет, что на нашем этаже по коридору за дальней лестницей. Подождать десять минут я, конечно же согласился, но прошел уже час, полтора, а курьер и не думал приносить «очень важный пакет с документами». Мне было не по себе, потому что я клятвенно обещал получить конверт из рук в руки, но сейчас думал уже только о том, чтобы уходящие домой сотрудники центра, среди которых было еще много молодых симпатичных женщин, не обратили внимание на то, что вахтеру, то есть, блин, ночному дежурному, все труднее сидеть на одном месте неподвижно. Я перекрещивал ноги под столом, ерзал на стуле, который начал казаться мне очень неудобным и только собирался плюнуть на обещание и сбегать по коридору, как вдруг почувствовал, что за мной наблюдают.

Это была не та, прозванная мной заглазно «Телкой», но разумеется одна из ее подружек по этажу. Стоя у раздвижных решетчатых дверей лифта, эта девушка внимательно, со своей треклятой усмешечкой, наблюдала за мной. Я как-то сразу понял все. Ее подруга, может быть просто хотела подшутить и подслала ее проследить, достаточно ли с глупым видом я ожидаю несуществующего курьера. Но эта тоненькая как тростинка большеглазая киска поглядев за мной поняла, что меня мучает в эту минуту. Я сразу увидел, как ей это понравилось! Сообразив, что я заметил ее, она не растерявшись, медленной и наглой походочкой прошла ко мне через холл.

— Просили передать, — весело улыбнулась она мне... — чтобы вы ни в коем случае никуда не отлучались! Документы очень важные, курьер точно вот-вот подойдет. Уж мы его так ждем, так ждем... — она улыбнулась, как будто призывала меня держаться молодцом... — уж вы нас не подведите.

И уехала на лифте. Стерва глазастая, она знала, что теперь я, как идиот, из принципа буду сидеть здесь неподвижно, пока не придет курьер, или не спустится последняя сучка с четвертого этажа. Ну или пока не лопну, подумал я, прикинув, что совсем неподвижно сидеть уже не могу и тихо зарычал сквозь зубы.

Они наверное пожалели меня и спустились не очень поздно — полдевятого. Почти пять часов я сидел в пустом холодном холле, крепко стиснув колени, и ждал, пока несколько красивых девчонок не допьют наверху свой кофе. Я скрипел зубами так, что стер их до оскомины. Я исцарапал ладони ногтями, я не мог думать ни о чем, только мысленно умолял — девочки, милые, пожалуйста домой!

Наконец широкий, открытый, под старину лифт, с раздвижной решеткой отзвонил и съехал на первый этаж. Вместительной кабины как раз хватило для стайки весело щебечущих бизнесвумен. Первым делом они, конечно, поглядели на меня, но тут же сделали вид, что как обычно не обращают на дежурного никакого внимания и дружно весело захохотали, словно какой-то своей шутке. Хохот этот тупой болью отозвался у меня внизу живота.

— Ну вот и уходим! — затараторили они, подойдя ближе и всматриваясь в меня. Им было очень интересно, вытерпел ли я обещанное честно... — извиняемся, что долго. Совсем мы тебя замучили. — Не так и долго, — проговорил я, точнее просипел, потому что голос от многочасовой неподвижности со сжатыми зубами получился сдавленным и жалобным, к огромному удовлетворению всей компании. Одна из них, бойкая рыжая в мини-юбке откровенно обошла стол, чтобы взглянуть на мои ноги. Я попытался их непринужденно раздвинуть и не смог, почувствовал, что за последствия не отвечаю.

— Трудно тут наверное, — сказала яркая брюнетка в деловом костюме и белой блузке... — сидишь, сидишь, ни пройтись, ни размяться... Я бы так не смогла...

— Не смогла бы? — расхохоталась подружка... — а он вот, может! Железный парень!

— Ваш курьер так и не пришел, — уже из последних сил едва слышно сказал я.

Девушка в джинсах, та самая, что дала мне поручение, горестно всплеснула руками...

— Да что же это? Неужели вы так и ждали все это время? А я-то забыла сказать, что нам сразу отзвонились, что документов сегодня не будет. Надо было позвонить, а я... Дура несчастная...

— Она приблизилась ко мне, так что пришлось, как не трудно было это сделать, вежливо подняться, иначе ее высокая грудь уткнулась бы мне прямо в глаза. Поднялся я, так сказать, не один, одновременно у меня встал, от обиды, конечно. Стало легче, но совсем чуть-чуть, я понимал, что девчонкам прекрасно видно мои, на глазах оттопыривающиеся брюки, я даже слышал какие-то перешептывания и хихиканье, но смотрел только в глаза этой роскошной телке, которая, качнув бюстом, уставилась на меня в упор и очень доверительно, почти нежно произнесла...

— Ну ты нас извини...

Потом они наконец-то вышли, оглядываясь и похохатывая, стали рассаживаться по машинам, у двух трех из них тачки были вполне ничего и они обычно подвозили припозднившихся подружек. Я стоял им вслед и стонал уже не сдерживаясь, в голос. Не было сил терпеть это двойное мучение, не было никакой возможности не согнуться, прижав обе ладони к застежке брюк. Я понимал, что утерпеть мне не удастся, и молился только о том, чтобы девчонкам не очень многое было видно за широкими стеклами холла, а под руками у меня расплзлось по ткани горячее влажное пятно и мне сложно было понять, кончил я, или обоссался.

С того вечера я уже никогда не беспокоил обитательниц четвертого этажа. Я бродил по лестнице, вокруг шахты нашего знаменитого лифта и трусливо прислушивался к гомону девичьих голосов, доносящихся сквозь неплотно прикрытую дверь. Они были теперь хозяйками и могли делать все, что им заблагорассудится. Почувствовав, что я сломался злые

девчонки утратили ко мне большую часть интереса. Только иногда, одна или другая из них улыбалась мне той же улыбкой, что и в вечер моего позора или даже подмигивала заговорщицки и фамильярно, и у меня пунцовели щеки, как у школьницы, которую мальчишки застали купающейся голышом.

Однажды они задержались даже дольше, чем обычно. Судя по всему на четвертом этаже чисто женской компанией отмечали какой-то праздник, то ли день рождения одной из девушек, то ли это был девичник, по случаю предстоящей свадьбы или еще какая-то фигня в этом роде. Я безропотно сходил за выпивкой для всей обворожительной компании, выполняя скромную просьбу большеглазой худенькой девушки, которая, как вы помните, придумала игру, кончившуюся расправой надо мной. Интересна психологическая перемена, случившаяся со мной... вместо того, чтобы испытывать тем большее раздражение, чем больше была с тех самых пор моя ненависть к стервам вообще и к моим стервам в частности, я размышлял значительно спокойнее чем раньше. Ну понятно, думал я, три упаковки пива, две бутылки вина, да еще кофе сколько выпьют. Понятно, что засиделись чуть не за полночь. Им что, они на машинах...

В который раз проходя мимо приоткрытой двери я вдруг услышал слова, заставившие меня остановиться и прислушаться. Конечно помогло мне воспаленное самолюбие, любое слово моих мучительниц, я слышал с ясностью необычайной.

— Дай ключ. Очень хочется...

Только и всего. Но слова эти, произнесенные женским голосом (я не мог бы сказать чьи именно красиво накрашенные губки произнесли их), были теми самыми, которых я так долго жаждал услышать именно здесь. Женщина, произнесшая их, была явно навеселе, как и ответившая ей...

— Всем хочется. Терпи. Ноги скрести, как этот наш... Недремлющий страж...

Вся компания расхохоталась, а я хоть и стиснул челюсти от досады, но продолжал слушать.

— В чем проблема-то, — удивился нежный голосок, — в конец по коридору и направо...

— Ага! — иронично отозвались сразу четыре или пять девушек.

Я вдруг понял. В этот день капризничал не четвертый этаж, а третий, чем-то им не понравилось работа сантехники. Кончилось это неожиданно, в середине дня явилась ремонтная бригада и через полчаса я узнал, что туалетом (тем самым, единственным) на четвертом этаже пользоваться нельзя. Может быть потоп. У меня с этим помещением были связаны свои воспоминания, но я благоразумно промолчал. И вот теперь у девочек, кажется, маленькая проблема.

— Точно, — слегка потухнув, согласился тот же голосок... — табличка «не работает».

— Ты что, не была там ни разу сегодня? — удивился кто-то.

— Вот именно, — совсем уж грустно отозвался голосок. Это могла быть только та самая, тоненькая большеглазая... — Не была. Я после обеда только приехала. И что теперь?

— Ну, можно вниз спуститься, на первый этаж.

— Ага, — отозвалась та, что с самого начала просила ключ... — по первому этажу, мимо вахтера нашего. Может еще на одной ножке попрыгать перед ним... «Дядя, дяденька, а девочка писать очень хочет!». Тебе что ключ трудно дать, да?

— Дали нам ключ эти, с третьего этажа, — пояснила моя джинсовая знакомая, низкий грудной голос («Ну извини») я узнал сразу... — но просили не бегать все время, ночью особенно. Давайте, уж если идти, то всем вместе. Кто-нибудь еще хочет?

— Хочет! Хочет! — слышались смешливые девичьи голоса и я услышал шум отодвигаемых стульев — компания встала из за стола. Кто-то, может быть та бесстыжая в мини-юбке, что паялилась на меня в холле даже взвизгнула...

— Ой, девчонки, не могу, до чего хочется! Чего ржете, вот не дойду сухая, будете тогда знать! Я поспешно спустился на пол-лестничных марша, слушая, как они собираются. Вот открылась дверь. Вот они обсуждают, вернутся ли к себе на этаж и все ли захватили. Тот же голос...

— Ой, девчонки, ну совесть имейте! Я сейчас прямо в лифте лужу сделаю!

В лифте? Странная мысль пришла мне в голову и прогнать я ее не мог. Неужели эти ленивые сучки на один этаж вниз поедут в лифте? Так и есть. Отлаженный механизм мягко заурчал, и женские каблучки застучали о гладкий пол кабины. Одна, вторая, третья...

— Ой, девочки, ну быстрее! С-с-с! — она зашипела сквозь зубы, тоненько, как змейка.

— Чего дотерпела так?

— Погодите, ключ-то где...

— Ты не шути так.

— Ага, подруга, наши пузыри в твоих руках...

— Ой, помолчи ты...

— Я же просила тебя, дай ключ... Тебе хорошо, ты пива не пила...

— Девочки, не жмите на меня, я же лопну...

— В-с-с-с!..

Мне хотелось слушать их и слушать, но я заставил себя бесшумно спуститься еще на пол-этажа. Меня трясло от какой-то мстительной радости и я знал, что никакая сила, никакая порядочность не удержит меня теперь от задуманного. Я достал из кармана универсальный ключ, когда наверху голос мающейся в нетерпении пантеры завопил...

— Нашла! Жмите кнопку! Я не меньше вашего хочу! Та самая телка в джинсах.

Универсальным ключ называется именно потому, что в здании бизнес-центра им можно открыть все. Любую дверь и любой прибор. Отгадайте чем можно остановить лифт между двумя этажами?

Я стоял, наверное, в двадцати сантиметрах от них, отделенный только проволочной сеткой и тонкой металлической стенкой лифта, и прекрасно слышал, как все тот же нервный голос, именно такой бывает у худых рыжеволосых девушек, умолял...

— Ну только девочки, ну только я первая, да?

А спокойный, хотя и немного звонкий от напряжения голосок большеглазой отвечал...

— Ну это смотря сколько там посадочных мест...

Я наклонился, вставил ключ, и когда лифту оставалось полметра до остановки, резко повернул.

Гудение мотора стихло, кабина качнулась еще вниз и застыла в практически на уровне лестничной площадки. Разноголосый женский хор произнес междометия в разной степени похожие на жалобное...

— Ой!

Пока их страдание было чисто механическим.

— Он что всегда так останавливается? — сказал кто-то плаксиво и капризно... — чуть не обоссалась!

Остальные молчали, переводя дыхание. Видно сообразили, что наш суперлифт не должен

тормозить, подвергая угрозе стыдливость пассажиров. Сообразили, но не хотели сделать логические выводы, уж больно неутешительными они получились бы. Наконец послышался осторожный металлический звук. Одна из девушек пыталась открыть кабину изнутри. Поддержала сильней. Рванула изо всех сил. Потом возникло несколько секунд тишины на всей лестничной клетке, на всех ее пустых этажах.

— Ой, нет, нет, нет!... — с тихим отчаянием сказал женский голос.

— Господи... — ответил ему другой, почти шепотом. Я хорошо помнил эту интонацию, так говоришь, когда почти не осталось сил терпеть.

— Мы же почти доехали... Девочки, мы же почти... Девочки, я же не могу больше...

— А я что, могу? Все не могут...

— Ну попробуй ты дверь...

— Намертво... У-у-уй! На-мер-тво...

— Господи, хочется-то как!

— Заткнись...

— Что заткнись? Я тебя как человека просила... дай ключ! — слышались всхлипы.

— Вот-вот, пореви... Чем меньше воды, тем легче терпеть...

— Ну девочки, я сломаю эту дверь!

— Ты обоссешься только... — железным голосом сказала телка в джинсах, возможно она и была у них кем-то вроде начальницы... — а потом и все мы, за тобой следом... Надо вызвать кого-то...

— Кого?... — Ой! — Кого ты вызовешь?

— Вот кнопка со звонком...

— Да ты знаешь, кто придет-то? — У-уй! — Мужики придут. Что мы им скажем?

— Чем больше мы будем трепаться, тем труднее нам будет говорить, когда они придут.

Ничего, потерпим, не сахарные. Придется поулыбаться, только тушь со щеки вытри...

Она говорила разумные вещи, но только это было впустую. Звонок в лифте вызывал не каких-то там абстрактных мужиков-ремонтников, он вел непосредственно к моему вахтерскому столу, а уж я, согласно все тем же пресловутым обязанностям должен был вызывать ремонтную бригаду. В дневное, кстати, время. Инструкция не предусматривала эксплуатации лифта около полуночи. Тем не менее я развернулся и тихо пошел наверх, я ведь не мог продефилировать прямо перед заточенными в железной клетке хищницами. С помощью моего верного ключа, я пробрался на первый этаж, как раз тогда, когда звонок, вделанный в стол разразился истошными, умоляющими воплями, видимо девочки в лифте пришли к какому-то согласию. Он продолжал звенеть за моей спиной, когда я так же тихо поднялся на третий этаж. Во-первых я хотел потомить пленниц неизвестностью, во вторых не смущать их откровенность своим преждевременным появлением. И я опять услышал много, не то что интересного, а прямо-таки сладостного для меня, истомившегося бесплодной яростью к тем, кого держал сейчас в своих руках.

— Сейчас, прямо здесь, — говорила, едва переводя дыхание, знакомая мне истеричка, — юбка короткая, трусики тонкие снимать не буду. Присяду здесь и пописаю на пол, и будет мне хорошо. И вам всем советую.

— Ничего ты не сядешь, — уговаривала ее джинса-начальница, а на самом деле такая же обалдевшая от стыда и безвыходности девчонка, как и остальные бизнесвумен, запертые в лифте... — Во первых придут, сразу лужу увидят. Может они сейчас уже на первом этаже, а из

лифта льется, хорошо а? Во вторых, откуда ты знаешь, что там ничего под напряжением нет, в полу этом? А долбанет тебя высоковольтным в самое то место, ты и кончить не успеешь, сразу подурманишься. Но это все дело твое. А вот, что если ты ссать будешь, то и остальные не утерпят, это ты учитываешь? Понимаете, девки? Вот она сядет, вот зажурчит, вот тут все будет мокрое...

Разноголосый женский стон был ей ответом.

— Вот вам уже сейчас невтерпеж, а? Рефлексы нам сейчас не обмануть. У нас сейчас рефлексы на пределе. Терпеть надо!

Тут по лестнице громко стуча ботинками взбежал я. Мне хотелось дать девочкам время очухаться. Не так-то это было благородно. Мне было интересно поглядеть, как они станут мучаться, скрывая свое бедственное положение. У меня были на то личные причины.

— Добрый вечер! — вежливо улыбнулся я... — что-то вы сегодня поздно. У вас проблемы? Мне не так просто было валять дурака и изображать дружелюбие, больно уж хороша была картина, представшая передо мной. Весь четвертый этаж был здесь. Широкая, отгороженная решеткой кабина была битком набита молодыми стройными симпатичными женщинами. Они стояли, подавшись вперед, глаза их были широко раскрыты, губы тоже приоткрыты. Так наверное выглядит женщина, изо всех сил пытающаяся скрыть, что испытывает оргазм. Как известно, у женщин это получается особенно плохо.

Те из них, кто за секунду до моего появления, стоял согнувшись, или зажав ладонь между бедрами, или навалившись полной грудью прямо на лифтовую решетку, не сводя с меня зачарованного взгляда, пытались незаметно занять по возможности непринужденную позу. Другие, вроде скрестившей руки на груди, а вернее под грудью и крепко сжавшей абсолютно прямые ноги большеглазой тоже смотрели на меня и в их глазах я читал страстное желание понять, что я мне было слышно, и что я теперь понимаю из того, что вижу, желание едва ли не более сильное чем владеющее ими всеми сейчас физиологическое. Только рыжая девчонка в мини-юбке, стояла за спинами подруг, закрыв глаза и обвив одной ногой другую. Ей было уже почти все равно.

— Мы влипли, — через силу, но все-таки обаятельно улыбнулась начальница, переминаясь с ноги на ногу, ее обтянутые синей джинсой бедра ходили ходуном... — Мы уже собрались дать вам... отдых... — последнее слово она произнесла, судорожно протянув звук «о».

— Вы все наверху закрыли? — голосом молодого бюрократа уточнил я. Сейчас я мог задавать любые вопросы не ожидая встречной издевки.

— Мы... Видите ли... — девчонка в мини довольно явственно зашипела свое «вс-с-с!», и джинсовая возвысила голос, чтобы я этого не заметил... — Мы хотели зайти на третий этаж...

— Зачем? — как можно тупее спросил я, сдвигая брови. Пусть честно признаются, подумал я, и тогда минут через 10 я позволю им выйти из лифта.

— Видите ли... — на меня смотрели с одинаковым выражением пары женских глаз... зеленых, черных, голубых; прищуренных и раскрытых, с дрожащими ресницами и размазанной тушью... — Это связано с ремонтом, который был сегодня на двух этажах. Надо кое-что включить... В любом случае вас это пусть не беспокоит... — у нее снова сбилось дыхание на «о». — Откройте нас, или вызовите ремонтников. И как можно скорей! — не сдержалась она. Я для виду подергал дверцу, наслаждаясь зрелищем дрожащих от напряжения женских коленок. Бедняжки! Они изо всех сил пытались выглядеть естественными.

— Придется видимо звонить, — лицемерно вздохнул я и пошел вниз. «Ах ты так?» — думал

я... — «Хорошо, я не буду особенно беспокоиться».

— Пожалуйста, быстрее! — жалобно прокричала одна из девушек, а другая сдавленно пояснила...

— Мы не можем сидеть тут всю ночь! — и, кажется, заплакала, глотая слезы, чтоб я не слышал.

Но я, как раз, собирался их послушать. Спешить мне было особенно некуда... нет смысла вызывать ремонтников, когда сам можешь справиться с неполадкой за пять минут. Ключ-то при мне!

О, как классно я провел последующие пять или десять минут! Я и не представлял, какое удовольствие могут доставить мужчине разговоры нескольких женщин, которые чего-то очень хотят, а вынуждены изо всех сил удерживать себя от этого. Они выли и рычали, они орали друг на друга и утешали, они готовы были сдаться, но находили в себе новые силы. Они терпели, но уже из последних сил. А я сидел, поигрывая универсальным ключом на ладони и мне было хорошо.

«Вернулся» я радостный...

— Все в порядке, сказали, что приедут в течение двух часов!

У девчонок больше не было сил делать вид, что все в порядке. Они стояли согнувшись, сжимая себя руками и глядели на меня с ненавистью, кроме тех, которые жмурились от боли и стыда.

— Два часа? — чуть слышно переспросила большеглазая... — я не могу два часа... я вообще больше не могу.

Рыжая девчонка в мини-юбке перестала шипеть, а вместо этого заплакала в голос...

— Господи, как же так? — повторила она, — Как же так, как же так?

Телка в джинсовых брюках глядела мне прямо в глаза и продолжала улыбаться. Она уже знала, что мне все ясно...

— Девочки нервничают, — ласково, но с какой-то звериной угрозой почти пропела она... — девочкам надо выйти из лифта. Что вы нам посоветуете?

Я взглядом ответил «Ну ты извини», а сам сделал вид, что думаю.

— Вот что, сказал я, как ни в чем не бывало. С этим лифтом так уже случалось. Какой-то контакт отошел, иногда стоит подпрыгнуть и все в порядке. Так что все в ваших руках попробуйте освободиться сами. Попрыгайте, если хочется.

Им хотелось. Им очень хотелось попрыгать.

Девочкам не потребовалось втолковывать двусмысленность фразы... «Все в ваших руках». Попробуйте подсказать жаждущему чего-то, как выполнить желаемое, сохранив хотя бы видимость достоинства, и он уже не задумается о самом этом достоинстве. Они запрыгали все и сразу, все, как одна стискивая себе промежность ладошками или на одной ножке, или с одной на другую согнувшись пополам. Невольно, они делали точно так, как они учились терпеть в детстве, когда были еще маленькими девочками, которым не так уж стыдно и оказаться в мокрых трусиках. Каждая девочка, когда-нибудь сильно хотела в туалет, и каждая женщина всю жизнь помнит, каково это было. Та, что жмурилась, совсем задрала свою юбку и кулачком била себя прямо между ног, приговаривая, как безумная...

— Не хочу! Не хочу!

А большеглазая сгибалась все сильнее и спрашивала меня, еле слышно, в шуме, гаме, женском крике и плаче я читал по губам...



— Смотришь? Смотришь?

Я дождался, когда она перестанет меня видеть, сев на корточки и уткнувшись лбом в коленки, после чего наклонился и вторично повернул универсальный ключ.

Кабина дернулась и мягко сдвинулась на несколько сантиметров книзу. Джинсовая, чтобы не упасть была вынуждена вытащить ладонь из междуножья и судорожно вцепилась в первое попавшееся — рукоятку двери. И чуть не упала, когда она подалась, вскрикнула от неожиданного движения и тут же я увидел, как по голубой ткани между ее стиснутых бедер поползло предательское темное пятно.

— О-о! — простионала начальница четвертого этажа низким, непохожим на женский голос... — Я... Я не... — девчонки, застывшие в нелепых, полных мучительного желания позах следили за ней так же неотрывно, как и я, только на моем лице была приветливая усмешка, а на их — отчаянная мольба. Видимо они, так же, как и я, имели представление, как нечеловечески трудно, просто невысказанно остановиться, если уже начал ссать в штаны.

Она вытерпела и на этот раз. Наверное, ей помогло то, что она боролась не только за себя. Она отлично понимала, что стоит ей расслабившись зажурчать и я увижу позор не только ее, но и всех ее подруг. И женская солидарность, извечная сила желания не проиграть мужчине, снова взяли свое.

— Я смогла... — прошептала она, и почти с гордостью, выглядевшей комично на лице девушки, когда она стоит в мокрых джинсах перед парнем и придерживает себя ладонью за самое сокровенное. Не говоря больше ни слова, мелкими шажками, почти не двигая коленями, она дошла до двери, которую стала открывать ключом, который все это время сжимала в кулаке. Слезы текли по ее лицу, которое, как ни странно ничуть не утратило, а скорее приобрело от этого симпатичные черты. Другие девчонки стали выходить из лифта, жалкие, обалделые, они проходили мимо меня, даже не глядя. Большеглазая с трудом поднялась из глубокого приседа, чувствовалось, что больше всего на свете ей хочется так и остаться сидеть, и чтобы никого кругом не было. Она-то попыталась взглянуть мне в глаза и улыбнуться... проиграла мол, но тоже не смогла себя заставить пересилить стыд и проковыляла мимо робко, как провинившаяся школьница. Они столпились вокруг двери, как будто побитые.

— Быстре-е-ей... Пожалуйста... — слышал я их торопливый шепот.

И вот замок щелкнул, поворачиваясь, дверь открыла вход в темный коридор. Им всем очень хотелось бежать, но не хватало ни сил ни смелости... девчонки сломались точно так же, как недавно сломали меня. Они даже не реагировали, когда я тоже перешагнул порог, сам включил свет и пошел рядом с этой перепуганной стайкой мокрых зажатых, заплаканных птичек. Словно не замечая меня они переговаривались, постанывая при каждом шаге своего скорбного пути...

— Ой, хочу... Ой, у меня опять...

— Ничего, пусть течет понемножку, быстрее дойдешь...

— Знаешь, сколько я за штаны эти платила? Ремень расстегнуть надо было... Ну да поздно...

— Девочки, у меня, наверное пузырь разорвался... Знаешь, больно как?

— Да ерунда... не бывает такого... просто обоссались... уже в туфлях хлюпает...

— А этот идет за нами...

— Смотрит... Доволен, наверное... Как он нас... всех сразу...

— Я мокрая совсем... Хорошо попраздновали... Джин-тоник...

— А у меня ничего... Сухо пока... То-о-олько си-и-ил не-ет!

Вот и поворот. Я без труда обогнал моих бывших мучительниц, а теперь — подопытных, я был уверен, что при виде заветной дверки они встрепенутся и я увижу последний забег перетерпевших все на свете бизнес-телок. Так оно и вышло, завернув за угол, обладательница мини-юбки, на стройных ногах которой мне было особенно приятно наблюдать стекающие по капрону одну-две струйки, взвизгнула и, безжалостно оттолкнув свою начальницу ринулась вперед с победным воплем...

— Первая! Первая я!

— Сука! — простонали остальные устремляясь следом. Каждая из них отлично знала, что за мужчина устроил им такое завершение вечера, но сейчас они ненавидели вовсе не меня, а свою рыжеволосую подружку, которая на секунду вырвалась вперед, чтобы скинув намочшие трусики и чулки поехать домой, как ни в чем не бывало, предоставив остальным бесславно обоссаться на глазах мужчины.

И вдруг они остановились, все сразу, как будто налетели на стену, как будто ударились о нее своими превосходными упругими грудями и переполненными мочевыми пузырями. И тут же девушка в мини-юбке отчаянным движением запихнула коротенький подол между ног, из ее горла вырвался какой-то скрип и она начала ссать, не писать, не мочиться, а именно ссать. Поток хлынул по ее бедрам, коленкам, ударяясь в ковролин на полу и пропитывая его насквозь. Через секунду я услышал плеск справа от себя, привалившись к стене спиной и раздвинув ноги, поддывала, глядя в потолок моя большеглазая подружка. А дальше в коридоре, освещенном модными бра началась цепная реакция женского позора... девчонки плакали, скулили, садились на корточки и стояли и по стойке смирно, пока горячие потоки текли у них по ногам, молодые бизнес-леди падали на пол и катались стискивая ладонями промежность, они ползли мимо меня на четвереньках, и затихали лежа неподвижно, они прыгали на месте, разбрызгивая горячие капли, и каждая, через пару секунд после того, как перестала бороться с собой, начинала стонать и плакать, но уже не от боли, а от наслаждения. Они обоссались все до одной, как только увидели на дверях обоих туалетов и мужского и женского знакомую табличку «Не работает. Ремонт».

И только Телка, не сдалась. Все теми же мелкими шажками, не обращая внимания на страдания подруг, она добралась до дверки и сделала, то же, что и недавно в лифте — повернула ручку. Дверца отворилась. Телка поглядела на меня и спросила...

— Ты?

— Я, — кивнул я, — вы уж меня извините.

Это действительно я, пока девчонки топтались с ноги на ногу, запертые в лифте, обошел помещение, где они только что были и перенес мучительно знакомую для них табличку в помещение, куда они так стремились. Мне хотелось посмотреть им в глаза, когда они поймут, что не вытерпели буквально в двух шагах от двери, за которой могли бы спокойно... Рыжая поняла это первой, она стояла на коленках и глядела в открытую дверь со спокойствием отчаяния, а руки комкали мокрый подол где-то между ног...

— Рядом... Совсем рядом... Мы не дошли чуть-чуть, обоссались, как дуры... Беги скорее, еще успеешь, чтобы он не видел!! — умоляла она свою подружку, ту самую, кого только что отталкивала от двери, как будто это что-то могло изменить для нее лично.

Но Телка почему-то уже не спешила спасти хотя бы свое женское самолюбие.

— Господи, — только и прошептала она, сперва обводя взглядом коридор, а потом

исподлобья поглядев на меня... — что же ты натворил? Что же ты с девчонками сделал?

— Трахнул, — тихо подсказала Большеглазая. Она лежала спиной на мокром ковролине, и медленно, нисколько не стесняясь меня, стягивала с ноги промокшие чулки вместе с трусиками.

— Точно, — простонала Телка, расставила пошире ноги, одновременно рванув блузку на груди, и когда роскошный ее бюст выскочил наружу, наливаясь на глазах, вцепилась ногтями себе в соски, с диким и торжествующим воплем... — Ты нас всех трахнул! И теперь я кончаю!!! И только тут из нее полило.

На следующий день я не вышел на работу. Я не хотел доставлять ни малейшей неловкости милым обитательницам четвертого этажа. Но универсальный ключ прихватил с собой, могу вам показать.

Только приезжайте ко мне на лифте, девушки.